ИРИНА А.

«Береги нашего ребёнка и себя, моя девочка»

ПЯТЬ ЛЕТ *тишины*

18+

Иногда любовь требует тишины...
Но сможет ли она выдержать её?

Ирина Алцыбеева

Пять лет тишины

«Автор»
2026

Алцыбеева И.

Пять лет тишины / И. Алцыбеева — «Автор», 2026

Успешный онколог Алиса из обеспеченной московской семьи влюбляется в дерзкого красавца с опасной репутацией, приехавшего спасти мать. Она бросает вызов семье, но он исчезает, оставив лишь слова: «Береги нашего ребёнка и себя, моя девочка». Пять лет спустя Алиса почти смирилась и растит ребёнка, но он возвращается — живой и свободный, желая всё вернуть. Теперь ей предстоит решить, может ли она довериться человеку, однажды разрушившему её мир, и стоит ли их любовь риска для жизни её ребёнка.

© Алцыбеева И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 6
Глава 2 7
Глава 3 8
Глава 4 10
Глава 5 12
Глава 6 15
Глава 7 19
Глава 8 21
Глава 9 23
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Ирина Алцыбеева
Пять лет тишины

Пролог

В квартире было слишком тихо. Казалось, город за окном накрыло стеклянным колпаком. Алиса стояла посреди гостиной, не сняв платье, и смотрела на телефон. В другой руке она сжимала тест с двумя ярко-розовыми полосками.

Незнакомый номер. Последние три дня она не брала трубку ни от кого, кроме пациентов и отца. Но что-то заставило её ответить. И теперь в памяти звучал его голос — хриплый, низкий, с прокуренной хрипотцой:

«Береги себя, моя девочка... И береги нашего ребёнка».

Голос Егора. Голос, который она слышала во сне каждую ночь. Голос, который исчез так же внезапно, как и появился, оставив выжженную землю.

Беременность не поддавалась логике. Как и всё, связанное с ним. Захотелось набрать номер, закричать, потребовать объяснений. Но она знала: на другом конце уже никого нет.

Алиса подошла к панорамному окну. За стеклом в свете фонарей кружился тополиный пух — лёгкий, тёплый, безмолвный. Она прижала ладонь к прогретому за день стеклу и закрыла глаза.

«Береги нашего ребёнка».

Он знал. Он всегда всё знал.

Алиса Боярская, блестящий онколог, привыкшая контролировать каждую клетку жизни, вдруг поняла, что не контролирует ничего. В руке — тест с двумя полосками. В сердце — пустота. В квартире — тишина, которой суждено длиться долгие пять лет.

Телефон с глухим стуком упал на подоконник. Алиса опустилась на колени на прохладный паркет, прижала тест к груди и впервые за долгое время позволила себе заплакать.

Глава 1

Утро Алисы Боярской начинается в 6:30 с чашки крепкого кофе и вида на заснеженную Москву из панорамного окна её квартиры в элитном ЖК «Садовые кварталы». Двадцать девять лет — возраст, когда другие только заканчивают ординатуру, — а она уже ведущий онколог в престижной частной клинике «Медикал Плаза». Дочь влиятельного бизнесмена, она могла бы не работать вовсе, но медицина для неё не просто статус — это единственное место, где она чувствует себя по-настоящему нужной.

В клинике Алиса — воплощение компетентности: белоснежный халат, идеальная укладка, спокойный голос. Коллеги уважают её за точные диагнозы и умение говорить с пациентами о самом страшном без фальши. В это утро она проводит обход: пожилая женщина с саркомой плачет от страха, и Алиса находит слова, которые вселяют надежду; молодой человек с лимфомой задаёт вопросы, на которые она отвечает с хирургической точностью. Каждое её движение отработано, каждый взгляд — участие. Но за дверью кабинета, когда стихает стук клавиатуры и звонки, она снимает очки и на секунду прикрывает глаза. Внутри — тишина.

Контраст между её профессиональной востребованностью и личной пустотой становится болезненным. Отец звонит днём: «Алиса, приходи на ужин». Она мягко отказывается — у неё «сложный пациент». На самом деле сложный пациент — она сама. Вечером она возвращается в пустую квартиру, где нет ни кота, ни цветов, ни следов чужого присутствия. Только идеальный порядок и полка с медицинскими справочниками. Она наливает бокал вина, садится у окна и смотрит на огни города, чувствуя себя одной из тех, кого спасает, — но не тех, кто живёт.

Тишину нарушает телефонный звонок из регистратуры: «Алиса Анатольевна, завтра в 9:00 новый пациент, сложный случай, переводят из областной больницы. Женщина, запущенная стадия. Сын настаивает на консультации лично с вами». Алиса механически отвечает: «Хорошо, подготовьте карту». Она ещё не знает, что этот звонок — точка не возврата. И что её отлаженная, стерильная жизнь треснет по швам.

Глава 2

Утро в клинике началось с привычной стерильной тишины, нарушаемой лишь мерным писком кардиомониторов и стуком каблуков медсестер по начищенному линолеуму. Алиса надела белоснежный халат, который сидел на ней идеально, словно вторая кожа, и собрала волосы в тугой пучок. Это был её ритуал — броня, которая отделяла доктора Боярскую от внешнего мира.

Пациентка, Раиса Андреевна Ангарская, ждала её в 304-й палате. Перевод из областной больницы означал лишь одно: там уже развели руками. Алиса вошла, держа в руках планшет с историей болезни, готовая к самому худшему. Но то, что она увидела, заставило её на секунду замереть.

На койке сидела женщина, которая, казалось, была соткана из света, несмотря на изможденное лицо и темные круги под глазами. В ней не было той обреченности, что часто встречалась у пациентов с четвертой стадией. Она смотрела на Алису с тихой, почти материнской добротой.

— Здравствуйте, Алиса Анатольевна, — голос Раисы был слабым, но чистым. — Мне столько о вас рассказывали. Говорят, вы — золотые руки.

Алиса мягко улыбнулась, присаживаясь на стул рядом с кроватью. Она взяла Раису за руку, проверяя пульс. Кожа была сухой и горячей.

— Рассказывали? Кто же, если не секрет? — спросила она, просматривая анализы. Цифры были пугающими.

— Да все в области. Говорят, вы из тех врачей, кто не бросает даже в самом конце. — Раиса погладила её по руке. — Я знаю, что у меня. Не надо меня жалеть. Я просто хочу дождаться сына.

Алиса подняла глаза. Впервые за долгое время профессиональная маска дала трещину. В этой женщине была такая сила духа, что она невольно прониклась к ней глубокой симпатией.

— У вас есть сын? — спросила Алиса, стараясь перевести разговор в более безопасное русло, хотя уже понимала, что это и есть главная причина её упорства в борьбе с болезнью.

— Егор, — глаза Раисы загорелись. — Он у меня хороший. Работает в автомастерской, на окраине. Грубый, неотесанный, но сердце у него золотое. Я ему не говорила, насколько всё плохо, но он почувствовал. Приезжает завтра. Я так хочу, чтобы вы с ним познакомились, Алиса. Может, вы сможете ему объяснить всё так, чтобы он не убивался.

Алиса взглянула на часы. До обхода еще было время.

— Обязательно познакомимся, Раиса Андреевна. А сейчас давайте посмотрим, что мы можем сделать, чтобы облегчить ваше состояние. Будем бороться. Вместе.

В этот момент между ними возникла та самая связь, которую невозможно объяснить медицинскими протоколами. Алиса видела в этой женщине не просто пациента, а человека, чья душа была кристально чиста. А Раиса, кажется, увидела в Алисе ту дочь, которой у неё никогда не было. Они проговорили еще полчаса, и когда Алиса выходила из палаты, она поймала себя на мысли, что впервые за долгое время думает о пациенте не как о «сложном случае», а как о близком человеке.

Глава 3

На следующий день Алиса пришла на работу пораньше. Вчерашний разговор с Раисой не выходил из головы. Она подготовила план лечения, но понимала, что чуда не будет. Оставалось лишь продлить жизнь и облегчить боль. И еще — встретиться с этим загадочным сыном, о котором Раиса говорила с такой любовью.

Он появился в коридоре ровно в 9:00. Его невозможно было не заметить. Высокий, широкоплечий, в простой черной куртке и потертых джинсах, он резко выделялся на фоне бледных стен и стерильной белизны. Смуглое лицо, темные волосы, упрямо падающие на лоб, и глаза — черные, как южная ночь, с колючим, настороженным взглядом.

Алиса вышла из ординаторской, чтобы встретить его.

— Егор? — она сделала шаг вперед, протягивая руку. — Здравствуйте. Я Алиса Анатольевна, лечащий врач вашей мамы.

Он не сразу ответил на рукопожатие. Сначала он окинул её оценивающим взглядом, словно сканировал — от начищенных туфель до тугого пучка волос. В его глазах читалось недоверие и едва скрываемая агрессия. Наконец, он пожал руку. Сухо, коротко, сильно. Ладонь была жесткой, мозолистой.

— Егор, — бросил он хрипло. — Что с матерью?

— Давайте пройдем в кабинет, — предложила Алиса, сохраняя спокойствие.

Он прошел за ней, тяжело ступая. В кабинете он не сел, а остался стоять у окна, скрестив руки на груди, словно готовился к обороне.

— Говорите прямо, доктор, — потребовал он, не поворачиваясь. — Сколько у неё осталось? И не надо мне ваших «мы будем бороться». Я не дурак.

Алиса села за стол, сложив руки перед собой. Она привыкла к сложным родственникам, но этот мужчина излучал такую волну холода, что ей стало не по себе.

— У вашей мамы четвертая стадия, — сказала она четко, глядя ему в спину. — Опухоль агрессивна. Мы можем провести курс паллиативной химиотерапии, чтобы облегчить боль и немного продлить жизнь. Но мы не можем её вылечить. Я говорю вам это прямо, как вы и просили.

Он резко обернулся. В его глазах вспыхнула ярость.

— Паллиативная? — переспросил он, и голос его стал низким и опасным. — То есть вы просто хотите накачать её наркотиками и спокойно наблюдать, как она умирает? Вы за это деньги получаете?

Алиса почувствовала, как внутри нее поднимается волна возмущения. Она встала, опершись ладонями о стол.

— Я получаю деньги за то, чтобы делать свою работу, — ответила она, выдерживая его взгляд. — И моя работа сейчас — сделать так, чтобы последние месяцы ваша мама прожила без боли. Если вы предпочитаете, чтобы она мучилась от невыносимых страданий, пока вы будете искать чудо-таблетку, это ваш выбор. Но я вам этого не позволю.

Повисла тишина. Воздух в кабинете стал густым и наэлектризованным. Егор смотрел на неё так, словно хотел просверлить в ней дыру. Алиса, не отводя глаз, смотрела в ответ. Она не привыкла отступать. Но в этот момент она вдруг отчетливо почувствовала что-то странное. Между ними, сквозь эту перепалку, сквозь холод и агрессию, проскочила искра. Неприязни? Нет. Это было что-то более глубокое и пугающее — притяжение. Необъяснимое, как магнит.

Егор вдруг выдохнул, и его плечи слегка опустились. Маска «плохого парня» на секунду дала трещину. Он провел рукой по волосам.

— Простите, — сказал он глухо. — Я не то имел в виду. Просто... она моя мать. Единственный родной человек. Я не могу так просто это принять.

Алиса медленно села обратно в кресло. Её сердце колотилось где-то в горле.

— Я понимаю, — сказала она мягко, чувствуя, как гнев уходит, уступая место сочувствию. — И я сделаю всё, что в моих силах. Давайте начнем с того, что вы просто побудете с ней. Она ждала вас.

Он кивнул, избегая её взгляда. Когда он выходил из кабинета, Алиса поймала себя на том, что смотрит ему вслед. Она вспомнила слова Раисы: «Грубый, но сердце золотое».

«Вот он какой, — подумала Алиса, чувствуя, как её стерильный мир дает первую, пока еще незаметную трещину. — Егор».

В этом мужчине было все, от чего её учили держаться подальше: непредсказуемость, дерзость, опасность. И все же, когда он обернулся в дверях и их взгляды снова встретились, она почувствовала, как этот телефонный звонок из регистратуры навсегда изменил траекторию её жизни. Точка не возврата была пройдена.

Сейчас она не хотела об этом думать. Сегодня её ждёт отец на ужин.

Глава 4

Вечерний свет за окнами особняка отца казался Алисе всегда каким-то искусственным — слишком ярким, слишком отрепетированным, как и всё в этом доме. Она припарковала машину на гравийной дорожке и на секунду задержалась, глубоко вдохнув прохладный воздух. «Просто ужин, — сказала она себе. — Просто ужин».

Анатолий встретил её в холле, широко раскрыв объятия. Он был крупным мужчиной с седеющими висками и глазами, которые умели быть и ласковыми, и ледяными — в зависимости от того, что он хотел получить.

— Алиса, девочка моя! — Он поцеловал её в щёку, крепко сжав плечи. — Ты сегодня поздно. Я уже начал волноваться.

— Прости, пап. Была сложная смена.

— Сложная смена, — эхом отозвался он, ведя её в столовую. — Ты слишком много работаешь. Я же говорил: хочешь — я найду тебе место в клинике поприличнее. Или вообще — зачем тебе эта возня с пациентами? Могла бы заняться чем-то более... достойным.

Алиса привычно пропустила это мимо ушей. Она знала, что за внешней заботой скрывается желание контролировать. Но спорить было бесполезно.

За столом уже сидела Виктория. Идеальная причёска, идеальный макияж, идеальная улыбка — настолько идеальная, что становилось не по себе. Она подняла бокал с белым вином, приветствуя падчерицу лёгким кивком.

— Алиса, дорогая. Как мило, что ты нашла время. Мы уж думали, ты совсем забыла дорогу в отчий дом.

— Я здесь всего месяц назад была, Виктория.

— Неужели? — Мачеха приподняла бровь. — А кажется, будто целую вечность. Ты так редко нас балуешь своим присутствием. Всё спасаешь мир, да?

Анатолий сел во главе стола и жестом пригласил дочь занять место напротив. Прислуга бесшумно подала закуски.

— Ну, рассказывай, — сказал он, накладывая себе салат. — Что нового? Как твои... — он сделал паузу, словно подбирая слово, — подопечные?

Алиса знала, что он едва сдерживает усмешку. Для него её работа была блажью, чем-то вроде хобби, которое он снисходительно позволял, пока оно не мешало его планам на её счёт.

— Всё по-разному, пап. У кого-то прогресс, у кого-то не очень.

— А личная жизнь? — Виктория промокнула губы салфеткой. — Ты всё ещё одна? Или на горизонте появился какой-нибудь... — она выдержала паузу, — достойный кандидат?

Алиса почувствовала, как напряглись плечи. Она привыкла к этим уколам, но сегодня они почему-то задели сильнее обычного. Может, из-за Егора, который всё ещё стоял перед глазами — с его дерзким взглядом и золотым сердцем, спрятанным за грубостью.

— Пока нет, — коротко ответила она.

— Ох, милая, — Виктория вздохнула с преувеличенным сочувствием. — Тебе уже почти 30. Не хочу быть резкой, но время-то идёт. Мужчины не любят женщин, которые слишком... заняты собой.

— Виктория, — мягко вмешался Анатолий, но в его голосе не было осуждения. Скорее, он наслаждался этим спектаклем. — Оставь девочку в покое. У неё всё впереди.

— Конечно, — Виктория улыбнулась, но в глазах её мелькнула тень. — Я просто забочусь.

Алиса опустила взгляд в тарелку. Она знала этот танец наизусть: отец делает вид, что защищает, но на самом деле именно он дирижирует этим оркестром. Виктория озвучивает то,

что он сам не решается сказать вслух. А она, Алиса, должна улыбаться и делать вид, что всё в порядке.

— Кстати, — Анатолий откинулся в кресле, — скоро у меня благотворительный вечер. Придут важные люди. Тебе стоит быть. Я хочу представить тебя кое-кому.

Алиса подняла глаза.

— Кому?

— Есть один человек. Серьёзный, перспективный. Из хорошей семьи. Я думаю, вы поладите.

Внутри неё что-то оборвалось. Вот оно. Снова. Он даже не спросил, хочет ли она. Он просто решил.

— Пап, я...

— Не спорь, — отрезал он, и в его голосе впервые за вечер промелькнула сталь. — Это важный шаг, Алиса. Для тебя. Для нашей семьи. Ты же не хочешь меня разочаровать?

Она молчала. Виктория удовлетворённо отпила вина.

— Вот и отлично, — Анатолий снова стал сама любезность. — А теперь давай поедим. Виктория, передай, пожалуйста, картофель.

Алиса механически поднесла вилку ко рту, но еда казалась безвкусной. В голове снова всплыл образ Егора — его взгляд, его слова, его нелепая, грубоватая искренность. В этом доме, где всё было под контролем, где каждый шаг был расписан, она вдруг остро почувствовала, как ей не хватает чего-то настоящего. Пусть хаотичного, пусть неправильного, но живого.

«Точка невозврата», — подумала она, и это слово эхом отозвалось в тишине столовой, заглушая звон бокалов и светские разговоры.

Глава 5

Февраль в этом году выдался странным: морозным по ночам и до неприличия солнечным днём. Снег хрустел под ногами, а в больничных коридорах, пропахших хлоркой и надеждой, свет из окон казался почти весенним. Прошёл ровно месяц с того дня, как Алиса произнесла свой приговор в ординаторской, глядя в спину Егору. Месяц, который не изменил медицинского прогноза, но неуловимо изменил всё остальное.

Раиса Андреевна держалась. Вопреки мрачным ожиданиям, четвёртая стадия не спешила забирать её в свои когти. Она оставалась всё такой же бледной и слабой, но в её глазах всё ещё теплился тот самый огонёк, который так любил описывать её сын. Хуже не становилось — и в их мире, где каждый день был подарком, это уже считалось маленькой победой.

Алиса всё чаще ловила себя на том, что идёт по коридору, не глядя под ноги, а всматриваясь в лица. И всё чаще это лицо находилось. Егор. Он появлялся будто из ниоткуда: то у поста медсестры, то у лифта, то просто стоял у окна на лестничной клетке, глядя на заснеженный двор. Сначала они сталкивались случайно, потом — по привычке. А потом Алиса поняла, что больше не удивляется этим встречам. Она их ждала.

Он приходил к матери каждый день. Иногда с апельсинами, которые она не могла есть, но любила на них смотреть. Иногда с книгой, которую читал ей вслух — хрипло, неуверенно, но с такой серьёзностью, что Раиса Андреевна улыбалась и гладила его по руке. Алиса заходила в палату, проверяла капельницу, делала пометки в карте. И чувствовала на себе его взгляд. Не тяжёлый, не оценивающий — просто внимательный. Будто он пытался прочитать её, как ту самую книгу, но боялся перевернуть страницу слишком быстро.

Разговоры начинались с малого. Сначала — о матери, о дозировках, о том, как она спала ночью. Потом — о нём.

— Ты ведь не всегда был таким, — сказала как-то Алиса, стоя в дверях палаты, когда Раиса Андреевна задремала после укола.

Егор усмехнулся, откинувшись на спинку стула. Тёмные волосы упали на лоб, и он не стал их поправлять.— Каким «таким»?

— Колючим. Словно ежа из мешка достали.

Он посмотрел на неё долгим взглядом. В февральском свете его лицо казалось мягче, чем в первый день. Черты не были злыми — они были уставшими. И ещё — испуганными. Будто мальчишка, который слишком долго защищался от всего мира и уже забыл, как это — просто быть.

— Я не знал, как ещё, — сказал он наконец, тихо. — Когда мама заболела, мне было семнадцать. Отец ушёл ещё раньше. Я остался один. Пришлось стать колючим, чтобы никто не лез.

Алиса не ответила. Но с того дня она начала смотреть на него иначе. За маской хулигана — нелепой, надо признать, потому что глаза у него были слишком добрые для настоящего хулигана — скрывался человек, который просто очень боялся потерять последнее, что у него было.

И этот человек начал за ней ухаживать.

Сначала Алиса не поняла, что происходит. Он появился у дверей ординаторской в конце смены, переминаясь с ноги на ногу, сжимая в руке что-то, спрятанное за спиной.

— Ты домой? — спросил он, старательно глядя мимо неё.

— Домой.— Я провожу. Метро закрыто на ремонт, а тебе в ту сторону. Я знаю.

Она хотела сказать, что знает дорогу сама. Что ей не нужен провожатый. Что она привыкла возвращаться одна. Но почему-то сказала:

— Хорошо.

Они шли по заснеженным улицам, и он молчал почти всю дорогу. Только у её подъезда, неловко переступив с ноги на ногу, протянул ей то, что прятал за спиной. Три веточки хризантем — простых, белых, с чуть подсохшими краями. Не букет из салона. Просто цветы, купленные в переходе у старушки.

— Это тебе, — сказал он, и уши у него покраснели так, что стали почти одного цвета с шарфом. — Не в смысле «спасибо за маму». В смысле… просто так.

Алиса взяла цветы. Они пахли горьковато и немного пыльно. Она поднесла их к лицу, чтобы скрыть улыбку.

— Спасибо, Егор.

Он кивнул, сунул руки в карманы и пошёл обратно, к метро, которое, конечно же, работало. Алиса смотрела ему вслед, пока он не скрылся за углом, и только потом поняла, что стоит на морозе в расстёгнутом пальто уже минут пять.

***

Следующая неделя принесла новые знаки внимания. Неловкие, но такие искренние, что у Алисы щемило под ложечкой. Он приносил ей кофе из автомата на первом этаже — всегда с двумя ложками сахара, потому что однажды услышал, как она жаловалась коллеге, что в больничном кофе «сахара вечно не хватает». Он оставлял на посту медсестры шоколадку с запиской «Алисе Анатольевне от благодарного пациента», хотя сам пациентом не был. А однажды, в особенно холодный день, он встретил её у выхода и молча натянул ей на голову свою вязаную шапку.

— У тебя уши красные, — буркнул он, отводя взгляд. — Заболеешь ещё.

Шапка пахла морозом и чем-то ещё — немного табаком и совсем чуть-чуть одеколоном. Алиса носила её до самого дома и вернула только на следующий день, выстиранную и высушенную. Егор взял её, покрутил в руках и спрятал в карман, ничего не сказав.

Они начали разговаривать. По-настоящему. В палате, когда Раиса Андреевна спала, или в коридоре у окна, или на лестнице между этажами, где не было камер и лишних ушей.

Егор рассказывал о своей работе — он чинил машины в небольшом автосервисе на окраине. Говорил, что любит возиться с двигателями, потому что в них всё логично: если что-то не работает, всегда можно найти причину. В отличие от жизни, где причины часто скрыты, а следствия необратимы.

Алиса рассказывала о том, как боялась поступать в медицинский. Как мама плакала, когда она сказала, что хочет стать онкологом. Ведь она очень хотела помочь найти лекарство от этой злой болезни. Чтобы помочь своей маме. Она до сих пор иногда плачет в ординаторской, когда никого нет рядом, потому что слишком многих не удалось спасти. Егор слушал, не перебивая. А потом сказал:

— Ты сильная. Сильнее, чем я. Я бы так не смог — каждый день видеть, как люди уходят, и всё равно приходить на работу.

— А ты и так приходишь, — ответила Алиса. — Каждый день. К маме.

Он не нашёлся, что сказать. Только сжал её пальцы — коротко, крепко, будто проверяя, что она настоящая.

Влюблённость подкралась незаметно. Алиса поняла это в тот день, когда Егор опоздал на десять минут — пробки на дорогах — и она поймала себя на том, что стоит у окна на втором этаже и высматривает в толпе его тёмную куртку. Сердце билось чаще, чем следовало. А когда он появился, запыхавшийся, с растрёпанными волосами и виноватой улыбкой, она вдруг поняла, что готова простить ему всё на свете.

— Прости, — выдохнул он. — Дороги перекрыли. Я бежал.

— Я вижу, — сказала Алиса и улыбнулась.

Он смотрел на неё секунду дольше, чем было нужно. Потом осторожно, будто касаясь чего-то хрупкого, взял её за руку и переплёл их пальцы. Ладонь у него была тёплая и немного шершавая — ладонь человека, который привык работать руками.

— Я не умею красиво ухаживать, — сказал он тихо, глядя на их руки. — Не умею говорить правильные слова. Но я хочу, чтобы ты знала: я рядом. Не только потому, что мама. И не потому, что должен. А потому, что… — он замолчал, подбирая слова, — потому что с тобой я не чувствую себя одиноким.

Алиса не ответила. Она просто сжала его пальцы в ответ и подумала о том, что февраль — странный месяц. Самый короткий, самый холодный. Но иногда именно в феврале оттаивают самые замёрзшие сердца.

Глава 6

Снег шёл стеной, ветер гнал его по Остоженке, забивался под воротники и леденил щёки. Виктория вышла из салона, кутаясь в пушистый полушубок, и уже собиралась сесть в машину, когда взгляд её случайно зацепился за знакомый силуэт у кофейни на углу.

Алиса.

Она стояла без шапки, с растрёпанными от ветра волосами, и смеялась. Так, как Виктория не слышала, чтобы она смеялась дома, — легко, без оглядки, будто никто не смотрел. Рядом с ней был мужчина. Высокий, в тёмной куртке, с небрежно повязанным шарфом, с той самой дерзкой улыбкой, от которой у Виктории неприятно свело скулы. Егор. Тот, о ком шептались в клинике, о ком Анатолий говорил с презрительной усмешкой: «Приезжий. Сомнительный. Не нашего круга». Сам Анатолий с ним знаком не был — судил по чужим словам и по тому, как тот выглядел: тёмная куртка, небрежный шарф, слишком свободная улыбка.

Он протянул Алисе небольшой букет белых хризантем — простых, купленных, наверное, в переходе, — и от смущения чуть помял упаковку. Алиса взяла цветы обеими руками, прижала к груди и посмотрела на него так, что Виктория вдруг почувствовала себя лишней в этом зимнем городе.

Они пошли по улице, не замечая ни снега, ни прохожих. Егор нёс её сумку, что-то говорил, наклоняясь к самому уху, и Алиса кивала, улыбаясь. У её дома она остановилась, и он осторожно, будто боясь спугнуть, убрал с её щеки мокрую от снега прядь.

Виктория отвернулась.

В машине она всю дорогу молчала, глядя на дворники, сметающие снег со стекла. Внутри росло нехорошее, липкое чувство. Не тревога за падчерицу — нет. Скорее страх, что всё, что они так аккуратно выстраивали годами, может рухнуть из-за одного неверного выбора.

Дома она прошла в кабинет мужа, не снимая пальто.

— Толя, нам надо поговорить.

Анатолий Боярский сидел за дубовым столом, просматривая бумаги. Он поднял глаза, и по лицу Виктории понял: случилось что-то серьёзное.

— Я видела Алису, — сказала она, закрывая дверь. — В городе. С ним.

— С кем?

— С Егором. Тем самым. Они стояли у кофейни. Он дарил ей цветы. Она смеялась. Толя, она смотрела на него… — Виктория запнулась, подбирая слово, — влюблённо. Я не слепая.

Анатолий медленно положил ручку. Лицо его потемнело.

— Ты уверена?

— Абсолютно. Я узнала его. И её. Они не скрывались.

Он поднялся, отошёл к окну. За стеклом кружил снег. Анатолий стоял неподвижно, и Виктория видела, как напряглись его плечи.

— Значит, я не ошибся, — тихо произнёс он. — Я надеялся, что это просто ерунда. Увлечение. Но раз она позволяет себе появляться с ним на улице…

— Она ещё и не то позволяет, — осторожно заметила Виктория. — Они были очень близко. По-моему, это уже не просто знакомство.

Анатолий резко обернулся.

— Я не позволю. Этот человек с сомнительной репутацией — не пара моей дочери. Я с ним не знаком, но мне достаточно слухов и того, как он выглядит.

Он сказал это так, будто уже поставил печать на приговоре. Виктория вздохнула:

— Толя, поговори с ней. Только спокойно. Она взрослая.

— Взрослая? — усмехнулся он. — Пока она носит мою фамилию, она будет считаться с моим мнением.

Алиса заехала к родителям поздно — Виктория попросила завезти бумаги. В прихожей ещё пахло морозом и цветами. Она расстегнула пальто, и в этот момент из кабинета вышел отец. Следом — Виктория, с тем особым выражением лица, которое Алиса ненавидела с детства: вежливое участие и холодный расчёт.

— Алиса, зайди, — сказал Анатолий.

Она вошла в кабинет, не снимая пальто. Сердце почему-то билось чаще обычного.

— Садись.

— Я лучше постою. Что случилось?

Анатолий сложил руки на груди.

— Мне сказали, что тебя видели в городе. С Егором.

Алиса не отвела взгляда.

— Да. Меня видели. И что?

— Не надо играть в наивность. Ты понимаешь, о чём я. Этот человек… — он сделал паузу, будто подбирал слова, — с сомнительной репутацией — не пара моей дочери. Я с ним не знаком, и не хочу быть знаком. Достаточно того, что о нём говорят и как он выглядит.

В комнате стало тихо. Виктория стояла у двери, как судья, уже принявший решение. Алиса почувствовала, как внутри поднимается горячая волна. Она всю жизнь уступала. Училась там, где хотел отец. Выбрала специальность, которую он одобрил. Улыбалась его гостям, терпела его советы, принимала его помощь. Но это была её жизнь.

— Почему? — спросила она, и голос прозвучал неожиданно твёрдо.

— Потому что я знаю, таких людей, — отрезал Анатолий. — Он приезжий. Без связей. С тёмным прошлым. О нём ходят слухи. Ты — Боярская. Врач. У тебя репутация. И я не позволю какому-то…

— Какому-то — кому? — перебила Алиса. — Человеку, который приехал сюда, чтобы спасти мать? Который работает, чтобы оплатить её лечение? Который первый за долгое время увидел во мне не дочь Боярского, а меня?

Виктория мягко вмешалась:

— Алиса, никто не говорит, что он плохой. Но ты должна понимать, что это выглядит…

— Как что? Как что-то, что вам не выгодно?

— Не смей так разговаривать с отцом, — повысил голос Анатолий.

— А как мне разговаривать? — Алиса сделала шаг вперёд. — Я всю жизнь делала так, как ты хотел. Я не спорила. Я не позорила. Я была удобной. Но я больше не девочка, папа. Мне двадцать девять. Я врач. Я спасаю людей. И я имею право на собственную жизнь.

— Пока ты носишь мою фамилию…

— Вот именно! Твоя фамилия! — выкрикнула она, и сама испугалась своей смелости. — Но моя жизнь не твоя собственность. И моё сердце — тоже. Я живу в своей квартире, папа. И выбираю сама, кого туда впускать.

Анатолий побледнел.

— Я запрещаю тебе с ним встречаться. Слышишь? Запрещаю.

Алиса посмотрела на отца. В его глазах были гнев, тревога и что-то ещё — страх потерять контроль. Она впервые не почувствовала привычной вины.

— Нет, — сказала она тихо.

— Что?— Нет. Я не буду выбирать между тобой и человеком, который ко мне искренен. И не надо пугать меня наследством, фамилией. Я не пропаду. Я умею работать. И я умею любить.

Виктория ахнула. Анатолий шагнул к ней:

— Алиса, опомнись! Ты совершаешь ошибку.

— Может быть, — ответила она. — Но это будет моя ошибка. Впервые в жизни — моя.

Она повернулась и вышла из кабинета. В коридоре её руки дрожали. Она прислонилась к стене, закрыла глаза и услышала, как отец за спиной глухо произнёс:

— Ты пожалеешь.

Алиса открыла глаза.

— Может быть, — прошептала она. — Но не о нём.

Она вышла из дома, села в машину и только там, отъехав от обочины, достала телефон. Пальцы плохо слушались. Она набрала сообщение Егору: «Мне нужно тебя увидеть. Не сейчас. Завтра. И, кажется, у меня будут проблемы». Ответ пришёл почти сразу: «Что случилось? Я приеду». Она улыбнулась, чувствуя, как слёзы всё-таки подступают к глазам. «Не надо. Просто скажи, что мы справимся». Через минуту телефон дрогнул: «Мы справимся. Я рядом».

За окном всё так же мела февральская Москва. Алиса ехала к себе — в свою квартиру, где никто не ждал её с приговором. Впервые за долгое время она не чувствовала себя одной из тех, кто послушно идёт по расчищенной дороге. Она стояла на снегу — без страховки, без разрешения, — и от этого почему-то было легче дышать

Глава 7

Телефон зазвонил через два часа. Алиса сидела на подоконнике с остывшим чаем, смотрела на огни соседних окон и думала о Егоре. О том, как он улыбается, как молчит рядом, не требуя слов. Она знала, что он ждёт звонка. И она знала, что не сможет себя сдержать, чтобы не позвонить ему сегодня.

— Алло, пап.

— Алиса. — Голос Анатолия был ровным, почти мягким, но она слышала под ним ту же стальную плиту. — Я погорячился. Не должен был так говорить. Ты моя дочь, я тебя люблю. Прости.

Она закрыла глаза. Вот так всегда. Он умел сказать «прости» так, что становилось только тяжелее. Потому что за этим «прости» никогда не следовало «я был неправ». Только «я погорячился». Как будто проблема была в тоне, а не в сути.

— Я услышала тебя, папа.

— Вот и хорошо. — Пауза. — Значит, в девятнадцать ноль-ноль. Я заеду. Платье у тебя есть? Если нет — купи, я переведу.

— Пап, я…

— Алиса. — Он перебил мягко, почти ласково. — Это важно для меня. Там будут люди, от которых многое зависит. И для тебя тоже. Мальчик — серьёзный, из семьи Вороновых. Ты же помнишь? У них клиника на Пресне. Тебе будет о чём поговорить.

Она хотела сказать: «Я не хочу говорить о клиниках. Я хочу говорить о Егоре. Я хочу, чтобы ты спросил, кто он, а не запрещал». Но вместо этого сказала:

— Я поняла. В девятнадцать.

— Умница. — В его голосе мелькнуло удовлетворение, и это было хуже гнева. — До встречи.

Она положила трубку и долго сидела неподвижно. В голове стучало: «Я снова согласилась. Я снова стала удобной».

А в сердце было тихо и горько. Потому что она знала: она пойдёт. Не потому, что хочет. А потому, что он — её отец. Потому что где-то под всей этой бронёй, под запретами и чужими фамилиями, жил старик, который когда-то носил её на плечах и учил кататься на велосипеде. И она его любила. Так, как умела. Больно.

Завибрировал телефон. Егор.

Она смотрела на его имя, пока экран не погас. Потом набрала сообщение: «Прости, сегодня не смогу. Завтра?»

Ответ пришёл сразу: «Конечно. Что-то случилось?»

Она закусила губу. Написала: «Семейное. Расскажу завтра».

И, отправив, почувствовала, как что-то внутри сжалось в тугой узел. Она скажет ему, что идёт на вечер, где её будут «представлять». И он поймёт. Он всегда понимает. И это было самое невыносимое — его понимание. Потому что оно означало, что он видит её насквозь. И всё равно ждёт.

Алиса встала, прошла в спальню и открыла шкаф. Платье было. Тёмно-синее, скромное, «для приличных случаев». Отец одобрил бы. Она провела по ткани рукой и тихо сказала, ни к кому не обращаясь:

— В девятнадцать. Значит, в девятнадцать.

И в этом «значит» было столько всего — и любовь, и усталость, и страх, что однажды она просто не сможет выбрать между ними. Между отцом, который её не слышит, и мужчиной, который слышит, но которого она боится потерять.

Она набрала Егора.

— Привет, — сказала она, и голос дрогнул. — Я соскучилась.

— Я тоже. — Он помолчал. — Ты в порядке?

— Нет, — честно сказала она. — Но я хочу, чтобы ты знал: я иду на этот вечер не потому, что хочу. А потому, что не могу иначе. Пока не могу.

— Я знаю, — сказал он тихо. — Я буду здесь.

И она поверила.

Глава 8

Вечер проходил в старом особняке. Официанты с шампанским на подносах. Алиса стояла рядом с отцом, чувствуя, как платье давит под рёбрами, а улыбка приклеена к лицу, как маска. Анатолий представлял её направо и налево: «Моя дочь, врач, знаменитый онколог в Москве». Люди кивали, говорили комплименты, тут же забывая её имя.

А потом появился он.

— Александр. — Молодой мужчина в идеальном костюме, с той особой гладкой уверенностью, которая бывает у людей, никогда не слышавших слова «нет». — Наслышан. Папа говорит, вы спасаете жизни. Это… впечатляет.

Он улыбнулся так, будто делал одолжение. Алиса кивнула вежливо и отпила воды.— Спасаю. По мере сил.

— А я вот спасаю бизнес. — Он засмеялся собственной шутке. — Но, знаете, медицина и инвестиции — не так уж далеки. Всё про доверие.

Он говорил ещё что-то про клинику на Пресне, про планы расширения, про то, как «мы могли бы быть полезны друг другу». Алиса слушала вполуха, отмечая про себя: он не спросил ни одного вопроса о ней. Ни что она любит, ни чего боится, ни почему выбрала медицину. Он говорил о ней так, будто она — строчка в резюме его будущей жены.

— Может, выйдем на террасу? — предложил он, наклоняясь ближе. — Здесь душно.

— Здесь нормально, — сказала она ровно.

— Ну, тогда, может, поужинаем на неделе? Есть отличный ресторан на Патриарших. Я знаю владельца.

Она посмотрела на него — на его гладкое лицо, на безупречный пробор, на часы, которые стоили больше её месячной зарплаты. И вдруг ей стало почти смешно. Почти.

— Александр, — сказала она, и голос её был спокоен.

— Вы очень… перспективный. И ресторан, наверное, отличный.

— Но? — он всё ещё улыбался, но глаза сузились.

— Но моё сердце занято. — Она сказала это просто, без вызова. — Уже. Давно.

Александр помолчал секунду, потом усмехнулся — снисходительно, как взрослый ребёнку.

— Занято? Кем? Врачом каким-нибудь? Коллегой?

— Человеком, — сказала Алиса. — Который спрашивает, как прошёл мой день. И слушает ответ.

Она увидела, как его лицо меняется — сначала недоумение, потом раздражение, потом холодная вежливость.

— Что ж, — он поправил галстук. — Не буду настаивать. Хотя ваш отец говорил…

— Мой отец много чего говорит, — мягко перебила она. — Но мою жизнь выбираю я.

Она отошла, оставив его стоять с бокалом в руке. Сердце колотилось где-то в горле — она только что перечеркнула то, что отец выстраивал с такой тщательностью. Но страха не было. Было странное, почти пьянящее чувство освобождения.

Анатолий нашёл её через десять минут. Лицо у него было каменное.

— Что ты сказала Воронову?

— Правду, — ответила она, глядя ему прямо в глаза. — Что моё сердце занято.

Он открыл рот, чтобы сказать что-то резкое, но она продолжила:

— Папа, я пришла. Я улыбалась. Я была вежливой. Но я не буду врать. Ни ему, ни тебе. И если ты хочешь, чтобы я была здесь — я буду. Но только как твоя дочь. Не как товар.

Он смотрел на неё долго. В его глазах боролись гнев и что-то ещё — может быть, уважение. Может быть, страх. Он ничего не сказал. Просто отвернулся и ушёл к гостям.

Алиса вышла на террасу. Вечерний воздух был прохладным и чистым. Она достала телефон и набрала Егора.

— Привет, — сказала она, и голос дрогнул. — Я только что отшила перспективного мальчика из хорошей семьи.

— Ого, — сказал он. — И как?

— Странно легко. — Она улыбнулась. — Я сказала, что моё сердце занято.

На другом конце провода он молчал секунду, потом тихо спросил:

— Правда?

— Правда, — сказала она. — Абсолютная.

И впервые за весь вечер ей стало тепло.

Глава 9

Дверь квартиры закрылась за ней с тихим щелчком, и Алиса наконец выдохнула. Первым делом — молния на спине. Она потянула её вниз, стянула платье через голову и бросила на кресло, будто оно было виновато во всём этом вечере. Туфли полетели следом, одна за другой, — глухой стук в прихожей прозвучал почти как аплодисменты самой себе.

Она прошла на кухню, открыла бутылку красного, налила в бокал и сделала глоток прямо стоя, у окна. Вино было терпким, тёплым, и растеклось по телу медленной волной. Потом она сняла бельё — просто потому, что хотела чувствовать только свою кожу, — и надела старую растянутую майку и короткие шорты. Волосы собрала в небрежный пучок, который тут же начал разваливаться.

И позвонила.

— Я дома, — сказала она. — Приезжай.

— Уже еду, — ответил Егор, и в его голосе было столько сдержанного нетерпения, что она улыбнулась.

Она зажгла свечи — три, на подоконнике у панорамных окон, — и села на пушистый ковёр, обхватив колени. За стеклом мерцал город, холодный и далёкий. А здесь, внутри, было тепло и пахло воском и вином.

Он приехал даже быстрее, чем она ждала. Алиса услышала звонок в дверь, поставила бокал на подоконник и пошла открывать сама. На пороге стоял Егор — в куртке, с чуть растрёпанными волосами, с тем самым взглядом, от которого у неё всегда теплело в груди.

— Привет, — сказал он тихо.

— Привет.

Он снял куртку, обувь, сел рядом с ней на ковёр. И, не говоря ни слова, обнял — крепко, так, что она почувствовала его тепло сквозь тонкую майку. Она уткнулась носом ему в шею, вдохнула знакомый запах, и всё, что было в ней напряжено весь вечер, вдруг отпустило.

— Ты справилась, — сказал он.

— Кажется, да.

Он отстранился ровно настолько, чтобы заглянуть ей в глаза. И поцеловал.

Он целовал её медленно, будто давая время передумать, но она не передумала — притянула ближе, запуталась пальцами в его волосах. Ковёр под ними был мягким, свечи отбрасывали дрожащие тени на стены, и город за стеклом перестал существовать.

Они раздевали друг друга без спешки, как будто впереди была целая вечность.

У него было много шрамов. На плече, на боку, на рёбрах — тонкие белые линии, старые, давно зажившие. Они не делали его уродом. Они делали его настоящим. А на груди — татуировка: крылья, раскинутые широко, будто готовые подняться. Её ладони скользили по его шрамам — она касалась каждого, будто читала историю, написанную на его коже. Он отвечал ей тем же — губами, пальцами, тихим дыханием у самого уха.

Потом было только тепло, и запах воска, и сбитое дыхание, и её пальцы, вцепившиеся в его плечи. Она выгибалась навстречу, а он держал её бережно, словно боялся разбить. Время растянулось и сжалось одновременно — до точки, до вспышки, до общего выдоха.

Потом они лежали, сплетённые, на пушистом ковре, и свечи догорали, и она слушала, как под его грудью — там, где раскинулись крылья, — медленно успокаивается сердце.

Он смотрел на неё, и в его глазах было столько всего, что она едва могла это вынести. Он был прекрасен. И он был её.

— Я так и представляла, — прошептала она.

— Что?

— Вот это. Ковёр. Окна. Тебя. — Она улыбнулась. — Я мечтала, что меня будут вот так любить.

Он поцеловал её в макушку и ничего не сказал. Слова были не нужны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.